

В.И. Самохвалова

ЧЕЛОВЕК И ПРОБЛЕМА ЕГО ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОСТКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Ныне, в контексте стремительно и непрестанно изменяющегося во всех отношениях мира все необходимое, неотступное, но и все многоаспектнее и проблематичнее становится не только решение, но уже и сама постановка вопроса о способе определения идентичности человека. Для человека, основательно дезориентированного многовекторностью современного информационного мультикультурного общества и сформировавшегося в нем амбициозным образом мира, становится все сложнее определиться с самим собой, с собственной *самоидентификацией*. В свое время представитель гуманистической психологии А. Маслоу отмечал, что человек есть *единственное* существо, которое (чаще или реже, больше или меньше) озабочено своей идентичностью, ибо никакое другое существо (скажем, кошка) не задается, например, вопросом о том, кто оно есть и соответствует ли оно своему самоопределению¹. Также не приходилось еще (исключая, конечно, фантастику) встречать и носителя «искусственного интеллекта», который был бы мучим сомнениями по аналогичному поводу. Несмотря на то что З. Фрейд полагал, что большинство расстройств психики у современных людей определяется их страхом знаний о самих себе², тем не менее без определения, кто есть человек и каков он – хотя бы в наиболее общих и главных чертах, – не может обойтись ни

---

¹ См., например: Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики: Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1997. – С. 198.

² Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 387 с.

одно теоретическое исследование и ни одна грамотная социальная практика. И уже сам подобный интерес человека к вопросу самоопределения значимо выступает как идентифицирующий его фактор.

Изменения, происходящие в окружении человека и в самом его бытии, в известном смысле затрагивают проявления самой его природы и ее понимания. Таким образом, идентичность изменяющегося (так или иначе, в том или ином направлении развивающегося) человека не застывает в некоем неизменном виде, но также подвергается модификации в своем содержании и проявлении вместе с развитием человека и его осознанием расширения своей экзистенциальной перспективы и своих человеческих проявлений. К обычным тонким сложностям и разделениям, как мы можем видеть, отчетливо добавляются новые грани и уровни. В результате человек предстает как все более сложноидентифицируемое существо, ибо оказывается определяем целой сетью последовательно и многоуровнево реализуемых идентичностей. От определенного своего *биологического* «прикрепления» и развертывания онтогенетической преемственности в системе поколений до *рода* как филогенетического «прикрепления» к древу земной жизни в совокупности всех человеческих поколений, идущих из прошлого, настоящего и возможных в будущем, раскрывающихся в историческом бытии целого, включенного, в свою очередь, в особое *историческое* пространство.

Как «человек разумный» (*homo sapiens*, по определению) он традиционно идентифицировал себя именно в качестве существа, наделенного *разумом*, разумностью. То есть, будучи, с одной стороны, существом природным, остающимся частью природы, он, с другой стороны, в известном смысле противопоставил себя ей тем, что развил в себе специфическое качество – разумность как особый уровень приспособления к миру путем выделения из него (отделения и известного противопоставления ему), предполагающего и формирование нового уровня взаимодействий с ним (нового уровня управления). Это новое качество позволило ему и стать, и *осознать* себя *субъектом*, что определило содержание и вектор новых отношений его с миром (объектом): как субъект он организует это взаимодействие и определяет его содержание и характер.

Только человек-субъект способен и осознавать свое бытие, и ощущать всю его проблематичность, неоднозначность. И эта способность человека, по мнению представителей гуманистической

психологии, например, имеет огромное значение и отделяет человека от животных в большей мере, чем такие его характеристики, как прямохождение и даже речь, собственно, и образуя *особость* его способа и вида бытия¹. Человек закрепляет и выстраивает свою *субъективность*, становящуюся важным приспособлением к многообразию мира, требующего и разнообразного приспособления к нему; возможностью многообразия своего проявления человек образует соответствие задаче познания многообразного мира. Выращивая *личность*, человек закладывает основы человеческого мира – его организации, культуры. Сложное свойство разумности, обозначив коренное отличие человека от остального живого мира, дало имя тому человеческому *виду*, который и построил известную нам культуру, дошедшую до настоящего времени во всех ее исторических изменениях.

Качество *разумности* считается первым, основным и принципиальным, идентифицирующим человека критерием, но и оно все более усложняется в его понимании в условиях современной технической реальности. Для тех, кто, например, не признает за искусственным интеллектом права на разумность, этого достаточно; однако для тех, кто говорит о возможности существования искусственного интеллекта, очевидно, были бы необходимы указания и на какие-то иные качества человека, удостоверяющие его идентичность. На наших глазах формируется искусственная «разумность», сложная техническая среда, за которой некоторые энтузиасты признают уже способность к *самоорганизации*... В контексте подобных умонастроений и само качество разумности требует нового определения, уточнения, учитывающего открывающуюся специфику (и следующие из этого оценку и понимание) качества разумности. Искусственный интеллект – ум или разум? Машина – умная, условно говоря, или и разумная тоже? Представляется, что здесь различие проходит не только по уровню разумности, которую можно определить и как формальную способность манипулирования с информацией, обладание памятью, но и согласно тому, можно ли связать это со способностью *мышления*. Именно мышления, а не сколь угодно сложного оперирования знаками. Способность человека к мышлению означает, что он умеет

---

¹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 158, 199 и др.

творчески работать с объектами и понятиями разного рода, уровня и порядка – с многообразными явлениями мира, со своими чувствами и мыслями, с ментальными построениями и т.п., осуществляя это с помощью особого человеческого «приспособления» – внутреннего «пространства» своей психики.

Нетрудно видеть, что при этом единство живого, разумного, мыслящего, соединившихся в человеке, требует осмыслиения с позиции «нового технического энтузиазма». Так, например, Т. Лири говорит о симбиотической связи человека с компьютером, вводя понятия «кибернавт», «киберчеловек»¹. Выбрав электронную жизнь в информационных сетях, человек добровольно уходит из смертного (биологического) тела, оцифровав (и отделив) свое сознание, что, по его мнению, есть путь к бессмертию. Действительно, вспомним специалиста по прагматометрии из «сказки» К.С. Льюиса: «Что унижает человека? Рождение, соитие, смерть. Мы сумеем освободить его от всего этого... Мы победим смерть, иными словами, победим органическую жизнь... Природа была нам лестницей, и мы ее оттолкнем»². Таким образом, не начинает ли человек готовиться к принятию нового образа самого себя, другого по отношению к самому человеку в самом общем его понимании? В частности, существа, которое не живет, чтобы не умереть...

Однако при этом ничего не говорится о том, какое место, например, будет занимать в «мировоззрении» подобного «нового человека» *понимание*. Разумность и ее проявление – интеллект – у человека отнюдь не сводятся к оперированию знаками или навыками: представляется, что при этом акцент переносился бы лишь на внешние, формальные, а не содержательно-сущностные его проявления. Человеческое понимание – специфическая форма существования, обнаружения и проявления разумности, что и делает возможным аутентичное человеческое творчество в разных – научной, художественной и т.п. – формах творческого его выражения. Например, можно считать картинами то, что «нарисовали» своими хвостами ослы или обезьяны, с натяжкой можно считать это «искусством» (своеобразным), но нельзя считать это *творчеством*. Кроме внешней формальной деятельности, аутентичное

---

¹ Лири Т. Семь языков Бога. – Киев; М.: Янус: Пересвет, 2002. – С. 188.

² Льюис К.С. Мерзейшая мощь. Современная сказка для взрослых. – М.: Северо-Запад, 1993. – Кн. 2, Т. 3. – С. 127, 128.

творчество, подразумевающее проявление человеческого феномена особой природы, необходимо, конститтивно включает в себя именно понимание, осуществляемое в единстве его интеллектуальной и эмоционально-чувственной форм.

Именно совокупность названных качеств позволяет человеку не только сформировать и наполнить *внутреннее пространство* своей психики, которое образует и определяет не просто личность, но ее глубоко *индивидуальное бытие*, но и тем самым создать *новое измерение* своего бытия – творческое. Внутреннее пространство психики позволяет строить и удерживать как образы внешнего мира, так в то же время переживания и озарения мира внутреннего, позволяет воспроизводить виденное и создавать новое состояние и *видение*. Оно создает пространство творческого оперирования с прежним опытом, возможность нового, желаемого его проживания и тем самым понимания, что формирует новые определяющие способности человека: воображение, идеализацию, предвидение, конструирование...

Творчество, способность к творчеству составляет главный «нерв» человеческого развития, движения к самоосуществлению, прозреваемому им в высших состояниях, реализуемых в организации и функционировании внутреннего пространства его психики (своеобразного «черного ящика» человека). В этом смысле сколь угодно совершенная машина может лишь комбинировать имеющееся, но не может самостоятельно придумать новое, т.е. выйти за пределы заложенной в нее программы... Творчество, ставшее *особой идентифицирующей* человека деятельностью, есть не только следствие необходимости приспособления к изменяющемуся бытию, но и чувствительность к неким смыслам, которые не даны, но предчувствуются и оформляются во внутреннем пространстве психики человека, выступая протестом всей его природы против того, что все проходит и исчезает; это своеобразный протест человека против смерти¹, о которой он *знает* (в отличие от животных, даже самых умных). Это результат того, что человеку доступны восприятия из той высшей реальности, куда он способен трансцендировать из наличного бытия. Ощущение наличия самого этого уровня присутствует в человеке как бы независимо от реальности.

---

¹ «Творить – значит убивать смерть», – пишет известный французский писатель Ромен Роллан.

Иными словами, человеку дано чувствовать наличие в мире неких высших смыслов и высших идей – некоего метафизического уровня бытия. Поэтому человек, *персонифицируя* все высшее, что он ощущает, но чего не может выразить доступными ему средствами, называет это Богом (Богами). Религиозность свойственна только человеку и безусловно выделяет его из всего живущего на земле (во всяком случае, религиозные животные или возносящие молитву ЭВМ не обнаружены). Ощущение наличия этого Высшего бытия (уровня) определяет неуспокоенность человека, его «вертикальную» тягу, его поиск; это становится и стержнем его культуры, создаваемых им систем нравственности, его жертвенности. Религия как результат особого творчества человека в деятельности *объяснения* мира, его упорядочения и организации, сама, в свою очередь, становится вдохновляющей человека творческой силой, когда человек, выходя на некие высшие состояния сознания, приобщается к высшим истинам и способен *выразить* их.

Бог (боги) и конструирование идеалов есть только у человека (об идеалах у животных ничего не известно). Наличие идеалов и высших вневременных, абсолютных ценностей сообщает бытию человека особый масштаб и особую меру сравнений и устремлений. О развитии понимания истинной меры человека свидетельствует, например, сравнение высказываний Протагора («*Человек* есть мера всех вещей»), Сократа («Человек как *мыслящий* есть мера всех вещей»), Платона («*Бог* есть мера всех вещей, и мера наивысшая»). Этим был обозначен истинный подход к масштабу оценки и задано особое измерение бытия ценностей.

Религия возникла как попытка понять недоступное, представить сам мир в его единстве и смысле, будучи в целом особым общекультурным домыслом, принципиально и исходно предполагающим существование высшего бытия и высших ценностей и живущим в общественном сознании. Пусть это знание с точки зрения науки недостоверно, но оно связывает мир воедино и дает представление о некоем должном порядке, призывая всякого человека следовать должностному и доброму. И в этом смысле религия – это тоже, по сути, *о человеке*, а не только о богах. Религия – это как бы и особое предупреждение человеку; так, Н. Бердяев говорит, что без понятия о Боге и в отсутствие «равнения» на высшее бытие человек, делающий точкой отсчета себя, неизбежно впадает

в подчеловеческое (проще говоря, в свинство)¹. Человеку необходим идеал, не подвергаемый сомнению, как ключ, как программа, как ориентир.

Таким образом, без экзальтации и ненужного пietета религия существует как особый способ *организации* жизни человека, как особый ее порядок, напоминание о высших ее уровнях, о ее метафизике. Таково большинство религиозных учений с их задачей дать руководство человеку в реальной жизни, исходя из представления о высшей, истинной жизни и ее истинном смысле. Религия – в аутентичном смысле слова, как особое сознание, а не институт власти – по-своему пытается придать смысл развитию человека, организовать его жизнь в истинно человеческом плане и смысле, одухотворить ее, предостеречь от недолжного, сформировать чувство ответственности как высшее проявление человеческой нравственности.

Как мы видим, при определении общих идентифицирующих человека качеств речь идет о многоуровневом развертывании идентичности человека, последовательно формирующейся начиная с уровней самой природы человека и продолжаясь уровнями его многогранной деятельности, реализующейся с учетом интеллектуальной, идеальной, духовно-метафизической составляющих. Создание культуры закрепило за человеком особое место в мире, реализовав и развив (и продолжая развивать) те возможности, которые позволили ему не только по-особому приспосабливаться к миру, но и *изменять* мир согласно своему пониманию и представлениям о лучшем.

Определяя суть идентичности человека, В. Франкл пишет: «Быть человеком – значит выходить за пределы самого себя. Я бы сказал, что сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции»². Быть человеком – значит быть направленным не на себя исключительно, но на что-то иное. Больше того, подобную направленность можно понимать гораздо шире. Например, по его мнению, такие односторонние направления и подходы, как рефлексология Павлова, бихевиоризм Уотсона, психоанализ Фрейда или индивидуальная психология Адлера, далеко не исчер-

¹ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – Париж: YMCA-PRESS, 1952. – 247 с.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 51, 284.

пывают истинно человеческого измерения бытия в целом. Как правило, ученый, как представитель какой-то определенной дисциплины, ограничивает диапазон исследований своим предметным интересом, но даже в сумме такие исследования и подходы не смогут охватить совокупность понятия «человек». Ибо самая главная идентичность человека в том, что он *многомерен в своем единстве*. Даже если он актуально не проявляет каждомоментно этой своей особенности, он тем не менее остается таковым в *возможности*, которая способна реализоваться. «Человеческое существование не аутентично, если оно не проживается как *самотрансценденция*¹», «...характерная составляющая человеческого существования – трансцендирование, превосхождение себя, выход к чему-то иному. Говоря словами Августина, человеческое сердце не находит себе покоя, пока оно не найдет и не осуществит смысл и цель жизни². Или, выражаясь словами современного поэта А. Вознесенского: «Выше Жизни и Смерти, / пронзающее, как свет, / нас требует что-то третье, – / чем выделен человек». Именно человек – и только человек. Только он *выделен* своей способностью задумываться о смысле жизни, о ее высшем предназначении.

Всю многомерность своего существа и существования, многомерность и многообразие способностей и возможностей человек обнаруживает в этой способности к творческому проявлению; творчество становится особым *модусом* его человеческой деятельности, в какой бы сфере она ни протекала. Способность человека к самотрансценденции определяет его как принципиально открытую систему; и в характере, и в *способе этой открытости* проявляется его идентичность. Человек направлен в мир не столько в силу своей способности реагировать на внешние сигналы, сколько в силу своей и способности, и возможности формировать осознанную *позицию* по отношению к ним (и к своим реакциям на них) и фактически экзистенциальную невозможность иного. Закрытость, сосредоточенность на себе будет означать неадекватность (неуспешность) его поведения, а аутизм – и вовсе свидетельствовать о человеческой ненорме, нездоровье.

Своебразие творчества как деятельности, а творческого состояния как нового способа открытости миру означает, что чело-

---

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 285.

² Там же. – С. 288.

веку становятся доступны новые уровни взаимодействия с миром и управления собою. Так, человеку доступна антиципация как своеобразный акт спонтанного творчества по предвидению будущего. Известно, что определяющим для органической жизни является принцип гомеостаза, хотя, как утверждает фон Берталанфи, он не является универсальным¹. Тем более не сводимо к саморегуляции существование человека в целом, в специфически человеческих характеристиках, означающих способность его трансцендировать в мир. Ему, как всякому живому, важно уметь сохранять и восстанавливать гомеостаз, но этого отнюдь не достаточно. Гомеостаз как регуляторный принцип не может объяснить существования и деятельности человека, он лишь консервирует наиболее удобный для человека способ сохранения сложного внешне-внутреннего равновесия. Но человеку необходимо движение изменения, развития, ибо таков и сам мир. Он способен к сознательному выходу из «равновесия», к осознанному и целенаправленному движению, чреватому нарушением гомеостазиса, но в то же время и достижением нового уровня в отношениях с миром (нового его понимания, нового способа действия в нем и т.д.). Нарушая гомеостаз, создавая *напряжение бытия*, человек снимает противоречие на более высоком уровне регуляции, открывает новый горизонт взаимодействия с миром. Создает особый уровень *управления* этими взаимодействиями. Таким образом, гомеостаз как регуляторный принцип не universalен для человека и не может объяснить его деятельности, в особенности же не имеет он объясняющей силы для творчества. Более того, творческий человек достигает нового уровня своей идентичности, снимая противоречие созданием особого напряжения, перемещающего его на новый, более высокий уровень гармонического равновесия (которое он опять будет нарушать)².

Только человек способен к творчеству в *действительном* его смысле, возвышающем его над подражательностью, копирова-

---

¹ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.

² См., напр.: Allport G. Becoming. Basic considerations for a psychology of personality. – New Haven: Yale univ. press, 1955. – P. 48–49.

нием или «доведением»¹ замысла, к чему отчасти способна и умная машина. Вершина же творческого проявления – самопостроение человека, самосозидание им себя, и на это уже не способна ни самая совершенная ЭВМ², ни самое умное животное (способное к инстинктивному, диктуемому программой рода поведению); у человека тоже есть подобная программа рода, но он не просто ее осознает, но постоянно строит и свою индивидуально-личностную программу. Для саморазвития и самосовершенствования нужны стимул, мотивация, часто сверхмотивация (как это обозначил А. Маслоу)³, способность к концентрации, сосредоточенность на цели и т.п. Подобная деятельность связана со способностью именно мышления, а не просто наличия разума, ибо мышление есть процесс «общения со смыслами» и рождение новых смыслов, а не безличные операции с информацией.

В принципе (или в идеале) вся деятельность человека может быть сознательно выстраиваемой, устремленной к достижению нового состояния – т.е. творческого. Так, например, любовь как способ проявления сексуальности означает у человека содержательно иной порядок этого проявления, создаваемый новой его *составляющей* в виде духовности и такой условной, но такой идентифицирующей человека структуры, как душа... Человек способен сформировать идеальное представление о себе самом, своем существовании или существовании своего социума, т.е. встать над самим собой в своем наличном состоянии и строить себя (общество) в соответствии с идеальными представлениями, а не в форме актуального обмена деятельностью (сигналами, рефлексами и т.п.) со средой. По классификации В. Франкла, человек в этом смысле по мере своих сил и направления способностей формирует различные ценности своей жизни – либо ценности созидания, либо ценности переживания, либо ценности отношения⁴.

---

¹ Ныне существует даже особая специальность – доводчик, т.е. тот, кто формально-технически реализует (в форме, в материале...) творческий замысел «криэйтора». Об этом пишут многие постмодернистские авторы, у нас, например, эта линия отражена В. Пелевиным в его книгах «Т» и «SNUFF».

² ЭВМ может (условно) «размножаться» как бы своеобразным «почкованием», но это не есть самопостроение...

³ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики : Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1997. – 384 с.

⁴ Франкл В. Цит. соч. – С. 193.

Иными словами, человек становится обладателем особого инструмента, которым не обладает ни другая живая форма на земле, ни искусственный интеллект, программируемый извне, – *сознанием*, которое, в свою очередь, не сводимо к мышлению или какой-либо иной сколь угодно сложной *отдельной* операции, обозначающим некое качество особой, целостной связи с миром. Итак, наличие сознания, разумность и способность к мышлению не совпадают ни в своих смыслах, ни в своем значении, и обладание одновременно всеми ими образует совершенно новую структуру, способную к развитию, что выступает, точнее, предстает как саморазвитие, но будучи направляемо определенной разумной *мотивацией*.

Аутентичное человеческое *сознание* как сложное единство качеств и деятельности включает в себя не только рациональное¹, способное быть вербализованным в особой языковой деятельности. Но оно включает и внерациональное (бессознательное, подсознательное с огромным багажом неосознаваемых знаний, в виде свернутых матриц-архетипов, интуитивных побуждений или предпочтений, заложенных в человеке и являющихся результатом реального опыта – личного или коллективного, родового...), которое служит человеку отнюдь не только в искусстве, но и во многом определяет характер самой индивидуальности человека, окраску его личности. Так, без удивительной способности воображения было бы, например, невозможно творчество, а без способности человека к антиципации – невозможна сама его предметная реализация... Человек умеет особым образом *работать* с миром, открываясь ему и разноуровнево взаимодействуя с ним. Современное изучение деятельности человеческого сознания невозможно без привлечения данных лингвистики, информатики, философии, нейробиологии, психологии, без которых невозможно было бы полностью раскрыть и понять механизм действия человеческого сознания. При этом возможности познания усиливаются или ослабляются не только вследствие участия в нем чисто рациональных способностей, но и вследствие наличия творческого импульса. С ослаблением творческого начала (в том числе интереса к новому)

---

¹ История рациональности насчитывает тысячелетия и не сводится к *толкуемым иногда слишком* узко декартовским методологическим постулатам в их абсолютизации. При этом внерациональность не есть иррациональность или нерациональность (это часто иной способ проявления способности познания).

притупляются острота и сила интеллекта, становится невозможна само его развитие. Основой и спецификой человеческого интеллекта являются его открытость и способность подпитываться эмоциональными восприятиями.

И здесь нельзя не сказать об искусстве, которое – взятое в его аутентичности – также является показательным именно для человека, будучи таким средством и такого способа познания, каковые специфичны и показательны только для человека. Умение отражать мир через его пересоздание в образной форме, что, учитывая природу живого биологического человека, позволяет искусству выполнять в обществе множество важных (социально-психологических, общекультурных, специфически эстетических) функций, способствуя пониманию человеком себя и своей природы, опирается на эмоциональную природу человека, развитую и облагороженную в ходе развития культуры. Искусство своими средствами умеет показать человеку *мечту* реализованной, и тем самым оно способно стать организатором духовной силы общества в направлении реализации идеала.

Современный социокультурный контекст и понимание идентичности

Обратимся к характеристике современного культурного контекста, в котором существует человек, и к самому этому человеку – с точки зрения присутствия в нем идентифицирующих человека качеств. Следует сказать, что в современном контексте разумность постоянно подвергается своеобразному «пересмотру». Так, во-первых, полагают, что она *недостаточна*, ибо искусственный интеллект показал ее границы; во-вторых, она *невозможна*, ибо не может быть полной, а потому неизбежно искажает (в частности, упрощает и схематизирует) мир, как это показал постмодернизм; в-третьих, она *опасна* и избыточна (не нужна) в условиях необходимости управлять огромными массами людей в современном обществе, для чего более эффективно манипулирование; в-четвертых, в этом отношении она активнейшим образом *разрушается* масскультом и потому *уже* неполна и неподлинна.

Все это ставит человека в чрезвычайно сложные условия для возможности его самоидентификации, ибо, как сказал в свое время

М. Мамардашвили, «старые способы самоидентификации не срабатывают, а новые еще не сложились»¹ в необходимой полноте. Общая дезориентированность сознания человека, а также сложившаяся возможность управляемости этим сознанием извне стали основой часто неадекватной его самоидентификации, когда человек оказывался не в состоянии правильно определить собственные интересы и цели. Подобное кризисное состояние – не только для отдельного человека, но и для человечества в целом – во всей его отчетливости развернулось как типичное явление еще в XX в., сделав в то же время решение этого вопроса обязательным для определения его дальнейшей судьбы.

Человек в современном обществе не только лишился привычных точек опоры и оказался как бы подвешенным в состоянии неуверенности, но одновременно предстал и разделенным в самой своей сущности, что обозначилось распадением между материальной и духовной сторонами его единой природы. С одной стороны, нынешний человек, как никогда, заземлен своей материальностью, которая утвердилась в качестве ценности в его сознании и довлеет над ним как внешняя реальность. Потребительская культура делает явной и неотступной материализацию всех человеческих отношений, всех представлений, всех мотиваций и устремлений, сводимых к денежному выражению и измеряемых в денежном эквиваленте. С другой стороны, человек, как никогда, близок к пониманию идеального: продукты интеллектуального труда составляют более 90% в совокупном валовом продукте, информационная реальность как бы вообще освобождает разум от необходимости материального тела, возможность виртуализации жизни показывает, что реальный мир может оказаться лишь частным случаем. Идеальная реальность приобретает все более независимое существование, не будучи связана какими-либо коррелятами с материальной реальностью. Мы перестаем видеть сами предметы, ограничиваясь тем, что читаем приклеенные к ним ярлыки; мы, по сути, живем не среди вещей, а среди обобщений и символов. Идеальное все отчетливее выступает в его собственном бытии, не будучи смешиваемо даже с ценностями художественно-эстетической или нравственно-этической природы.

Общая дезориентированность относительно основополагающих смыслов жизни является отличительной чертой человека

---

¹ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М.: Прогресс, 2000. – С. 71.

нашего времени. Как считают многие психологи, современный человек испытывает большую неуверенность в себе, чем человек XIX в. Современный человек столкнулся с иррационализмом истории, и то, что казалось ушедшим в прошлое, вдруг непонятным образом вернулось: терроризм, рабство, варварство. Оказалось, что прогресса нет, что развитие обратимо, что сами формы рациональности не столь прочны. Человек ощущает бессмысленность жизни, напрасность усилий, утрату перспективы. Сами требования, предъявляемые к нему обществом, часто оказываются несогласимыми между собой и ведут человека к невротизации, нигилизму, провоцируют агрессивность поведения.

Соответственно в культуре, в ее парадигме происходит, как сейчас говорят, смена атTRACTоров, т.е. форм регуляции и способов распределения и управления человеческим вниманием. Безусловными атTRACTорами становятся *образы хаоса* (а не порядка), дисгармонии (а не гармонии), патологии (а не здоровья), аномалии (а не нормы), смерти (а не жизни). Иными словами, в условиях дискредитации ценностей, усиления иррационализма и нигилизма, прежде бывших лишь элементами настроения, а теперь ставших составными элементами культуры и ее модусами, оказывается смешена в *противоположном* направлении вся система традиционных атTRACTоров культуры. Легитимация темных инстинктов, поэтизация пороков набрасывает на видение мира исказжающий его покров тенденциозных интерпретаций. Выбитый из колеи нормального мышления, человек готов принять все, что дает ему хотя бы *иллюзию* смысла и порядка в представлении о мире.

В то же время внимание к отрицательному полюсу проявлений жизни не означает действительного интереса к *анализу* или разрешению соответствующих проблем. Проблема смерти, присутствие которой получает в современной культуре неправомерно расширенное «пространство», будучи бесконечно «размазана» в боевиках, став привычной, на самом деле утрачивает свою тайну и свой сакральный смысл, осталось лишь само ее фактическое присутствие, даже смакование и т.п. Проблема же смерти как проблема фундаментального философского значения утрачена; тем самым как бы изъята из сферы обсуждения и связанная с этим проблема определения *смысла жизни* и ее цели. Обеднение переживаний, принижение смыслов вызывают десакрализацию смерти, чем в результате десакрализуется и сама жизнь.

Современный мир отмечен существенными социокультурными изменениями, затронувшими традиционную структуру общества, он вызвал к жизни появление новых реалий, ставших продуктом его развития. Так, на исторической арене утвердился социальный феномен, коренным образом определивший культурное лицо современного общества, – массовое общество массовых людей, обладающих массовой психологией. Став социально-политической и культурной реальностью, массовое общество породило массовую культуру, которая не столько приблизилась к обычному человеку, сколько опустошила его душу, будучи сама лишена глубокого человеческого содержания. И потому небезосновательной выглядит даже столь категоричная ее оценка: «Массовую культуру и массовое сознание роднит лишь то, что первое не культура, а второе не сознание. Комплекс из бескультурья и неосознанности...»¹

Утверждение массовой психологии привело к усреднению всех форм жизни, к критическому снижению культурных, нравственных, эстетических стандартов. Реальность массового сознания, поощрение психологии игрока, а не деятеля и творца, привели практически к деградации культурной элиты, почти полностьюнейтрализовав *высокое искусство* в условиях всеохватывающего рынка. Чрезвычайно серьезной проблемой, порожденной массовой психологией, стала замена творчества потреблением², породившая не столько даже потребительское общество, сколько – в наших условиях – достаточно примитивную карикатуру на него. Потребление превращается в основную функцию, становится занятием, призванием массовых людей.

Как известно, человек, в отличие от животного, ценности которого определены естественным образом, т.е. природой, вполне может принять за ценность что угодно, особенно если его очень хорошо убедить, внушить, навязать ему нечто в качестве ценности. Затем с помощью моды и рекламы выработать у него потребность в этом и построить на данной основе определенный коммер-

---

¹ Круглов А. Массовая культура // Здравый смысл. – М., 1997. – № 5. – С. 31–32.

² Вспомним недобро памяти заявление, что цель нашей современной системы образования – сформировать потребителя (пусть и квалифицированного), а отнюдь не творца, не гармоничную, мотивированную, способную к самоактуализации личность.

ческий цикл. Современная культура санкционирует положение, когда не производство служит человеку, а человек работает на производство, притом *ненужного*. В самом деле, у человека, опять же в отличие от животного (вследствие мобильности психики и воображения), удовлетворение одной потребности рождает другую, новую. Но отличие человека от животного состоит также и в том, что он-то способен осознать и адекватно оценить истинное значение этих своих потребностей и не оказаться в зависимости от них. Однако, к сожалению, это трудно осуществимо в условиях психологического давления, оказываемого всем комплексным содержанием окружающей (ложноценностной) реальности.

В результате наряду с естественными (первичными и необходимыми) и истинными человеческими потребностями (вторичными, развитыми и отшлифованными культурой) – в познании, общении, свободе – возникают фиктивные, мнимые, которые начинают влиять на содержание и образ жизни человека. Потребности в творчестве, красоте, истине, справедливости фактически не находят ни признания, ни адекватного удовлетворения, их удовлетворение становится суррогатным, в изобилии фабрикуемым массовой культурой. Вместо развитого культурой и представленного в культурных формах богатства человеческих потребностей, которые могли бы служить развитию человека, он оказался в пленах одной, но такой, которая сделала его зависимым и управляемым, – потребности потребления.

Массовая культура, опираясь на мнимые ценности и культивируя ложные и избыточные потребности, призрачные цели, способствует «прожиганию» физических, биологических, экологических ресурсов человечества, ничего не давая ему взамен, кроме фикций, бесследно тающих под наплывом новых фикций. Возможность осознать ситуацию подавлена или искажена в силу общей дезориентированности современного человека, утраты им способности критического мышления, разбалансировки представления о ценностях. В то же время сама проблема *адекватного понимания действительных* ценностей и потребностей, может быть, впервые приобретает жизненно важное значение не только для развития, но для самого сохранения цивилизации: либо человек решаютшим образом пересмотрит свои потребности, их обоснованность и масштабы, либо дальнейшее движение человечества может пойти по катастрофическому сценарию.

Проблема поставленного экологического императива есть не только проблема потребления и потребностей. Это проблема определения истинной природы и сущности человека, ибо только следование истинной природе человека, остающейся несомненной константой в контексте относительности всех остальных параметров и векторов внешнего бытия, открывает возможность определить, в чем *действительно* нуждается человек. Но именно истинная сущность человека размазывается и затемняется постмодернизмом, примитивизируется и опошляется масскультом.

Столь же остро встает и проблема целостного, в особенности духовно-психологического, здоровья человека, создания нормальной среды жизни для него. Для большого числа современных людей уже нынешние скорости дискомфортны, а абсолютная непредсказуемость развития жизни чревата депрессиями. Существующий наряду с реальной действительностью ее виртуальный вариант, созданный совокупными усилиями разных информационно-коммуникативных систем, усложняет для человека возможность адекватного самоопределения. Одновременность разновременного (благодаря телекоммуникациям) и взаимоисключающего, схождение разнообразного – эта радикальная, всеобъемлющая и вездесущая плюоральность кого-то может и забавлять, но многих выбивает из колеи и заставляет усомниться в реальности самого мира. Отсюда разные способы эскапизма, бегства от действительности – начиная от ухода в виртуал до взрывного роста числа наркоманов. Очарованное, соблазненное, несчастное сознание современного человека часто не справляется с грузом необходимости одновременного осмыслиения нескольких параллельных миров, в одном из которых человеку приходится жить, в другом – работать, в третьем – отдыхать…

Данная коллизия многогранна и многоаспектна и составляет одну из линий значительного напряжения в общем распадении единства человека. Так, об опасности неизживаемой противоречивости ценностных и мотивационных ориентаций писали, с разных позиций и с разной аргументацией, А. Кестлер¹ и Э. Фромм², ут-

---

¹ Koestler A. The Chost in the Machine. – L.: Hutchinson, 1967. – 384 p.; Koestler A. The Act of creation. – L.: Hutchinson, 1964. – 751 p.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.

верждавшие, что распадение целостного восприятия внешнего мира чревато для человека шизофреническим распадением собственного внутреннего мира. Современная же культура не только не восстанавливает гармонию восприятия и стабильность состояния, но в значительной мере как раз сама и повинна в их разрушении. Как отмечал Л. фон Берталанфи¹, культура, кроме всего остального, есть и важнейший психогигиенический фактор. Иными словами, от состояния культуры общества в значительной мере зависит духовно-психическое здоровье составляющих его людей.

Таким образом, современный социокультурный контекст массового информационного общества породил и формы сознания, и практику искусства, и общие культурные практики, в которых разумность не участвует, рациональность лишается статуса культурной ценности, отвергается (иногда даже осмеивается). Необоснованная активация иррационального, апеллирование к архаическим структурам сознания, провоцирование инстинктов под видом раскрепощения творческой спонтанности, развенчание рациональности в постмодернистской картине мира, сведение ее к плоскому прагматизму в масскульте – все это не только деформирует сознание и дезориентирует мышление. Это также и разрушает понятие реальности, адекватность *единой* картины мира, что угрожает качеству коммуникации в обществе и тем самым в конечном счете подлинной человеческой *социальности*.

Что касается потребности в красоте, гармонии, тонких эстетико-художественных переживаниях, то можно лишь констатировать, что современное искусство как бы перешло на своего рода самоудовлетворение. Оно работает не с формами и красками мира и не подражает и не выражает его, а ищет средств выразительности в самом себе, играет собственными средствами, черпает отраженное вдохновение в себе, собственных формах и приемах. Условно говоря, современное искусство перестало подражать природе и теперь подражает самому себе. Его художественный язык становится не столько отражающим, сколько отраженным (вторичным) языком. Умножается число интерпретаций, перетолкований, переосмыслений и т.п. классики, но самостоятельно создать нечто достойное большинство современных авторов становятся все более неспособ-

---

¹ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.

ны; естественная потребность самовыражения, свойственная человеку и характерная для него, переформатируется в беспорядочную активность разного рода шоу, надуманного перформанса, манипулятивного флешмоба разного уровня и содержания.

Думается, что в этом одна из причин общего ослабления наличной разумности, ибо искусство, при всей *специфике* необходимой для его понимания и свойственной ему мыслительной работы, добавляло человеческому интеллекту глубину, силу бытийной укорененности, остроту, точность и тонкость мыслительных обертонов и т.д. Не подпитываемый искусством, интеллект становится действительно машиноподобен, но это отнюдь не делает его сильнее. Интеллект в этом случае теряет в своей творческой силе. И именно опыт искусственного интеллекта приводит к выводу о главной роли творческой составляющей в самой идентификации естественного человеческого интеллекта.

Итак, можно констатировать, что современная культура переживает *кризис*, при котором изменяются не просто оценки или представления, но *сами их критерии*. Главным показателем кризисного состояния культуры становится изменение ее исходных функций. Если раньше ее главными функциями были социализирующая и воспитательно-образовательная, то в XX в. главными оказываются выравнивающе-нивелирующая (в которую перерождается прежняя социализирующая) и охранительная, призванная средствами культуры способствовать удержанию существующего порядка и власти. Именно культура ныне своими средствами производит человека, деятельность которого противоречит целям развития мира. Или же следует признать, что в современной культуре все больший удельный вес приобретают тенденции антикультуры. Действительно, ведь подлинная культура *осваивает* мир; но современный *масскульт* загромождает его гаджетом, а *постмодернизм* уводит это освоение в тупики субъективных реакций, рассеивая силы и возможности человеческого сознания.

Жестокость, насилие, порнобизнес становятся характерными чертами современного искусства, определяя повседневное восприятие жизни. Подсчитано, например, что к своему совершеннолетию американский ребенок успевает увидеть в кино и на ТВ не менее 85 сцен насилия. А бесконечные сексуальные сцены, из которых уходят настоящие чувства и глубокие страсти, а порою и адекватный (традиционный) объект их, искажают в сознании че-

ловека основополагающие нормы и «матрицы», связанные с полом и лежащие в основе утверждения жизни. В целом можно сказать, что фактически впервые в таком масштабе достижения культуры поставлены на службу не разуму, но иррациональному; не совершенствованию личности, но ее сведению к примитиву; не развитию богатства чувств, а эмоциональной неразборчивости; не свободе проявлений человека, но беспределу бесчеловечности; не безопасности, но организации угрозы, исходящей из умения использовать культурные достижения для целей разрушения и культуры, и даже самой жизни.

Сверхбыстрое развитие науки и техники на фоне оскудения духовной жизни привело к тому, что человеческое сознание не успевает продвигаться за изменениями, а человеческая душа не успевает освоиться с грузом новой *ответственности*. Человек утрачивает видение масштабов этой новой своей ответственности и меры опасности для мира и для себя самого, если он забудет о ней. Растущая пассивность человека и его социальная безответственность приводят к тому, что само общество теряет внутреннюю структуру, превращаясь в большую атомизированную толпу. Анонимизация человека в массовизированных, пассивных толпах порождает равнодушие и чувство внутренней отчужденности от всех процессов, имеющих социальный характер, что неизбежно усиливает тенденции тоталитаризации. В то же время процесс возрастаания социальной энтропии порождает реальную опасность для сохранения и действительного развития человечества тем, что открывает шлюзы этой агрессивной пассивности массы.

Замкнутость в себе масс, оказавшихся без иерархии ценностей, без высоких идей не способными к самоорганизации, обрекает их на деградацию. Тем более это становится очевидным в отсутствие действительной элиты, «исполняющим обязанности» которой в большинстве своем становится так называемый креативный класс (неадекватное название для социальной группы, в свою очередь, неверно понимающей сам смысл креативности). В большинстве это оказавшиеся успешными массовые люди, не слишком успешные представители богемы, представители прежних маргинальных групп, «главным искусством» для которых становится пиар.

Замена человеческих отношений психотехническими манипуляциями, их опосредованность информационными технологиями приводит к кризису социальности, являющейся исходной осно-

вой и фундаментом культуры. Вместо установления гармонии человек, разучившийся различать количество и качество, выступает в конфликте против всего: природы, общества, самого себя. Человек не находит гармонии ни с внешним миром, ни с собственным внутренним. Он все более утрачивает целостность и гармонию души. Но ведь именно такому человеку, каковым он перешел и в XXI век, предстоит в будущем решение сложнейших проблем, от которых, как уже говорилось, будет зависеть судьба человеческой цивилизации и даже сохранение самого человечества.

Существует два возможных варианта подхода к этой проблеме, которые условно можно назвать оптимистическим и пессимистическим. В отличие от пессимистического, вполне очевидного, оптимистический вариант исходит из того, что «гуманитарные завоевания человечества достаточно значительны, чтобы позволить нам в одночасье сползти в высокотехнологичное варварство»¹, что у человечества хватит здравого смысла, чтобы создать культуру, исключающую насилие, а не регламентирующую его, что ему хватит чувства самосохранения, чтобы не закончить историю земного человечества коллективным самоубийством. Как говорил русский философ С. Франк, человечество «идет по предначертанному ему пути так же, как идет по нему отдельный человек – через эпохи подъема и упадка, наступления и отступления, приливы творческой энергии и моменты усталости...»² Иными словами, кризисы, даже самые серьезные, – лишь временное явление в развитии культуры, и как отдельный человек находит в себе силы пережить их, так и человечество в целом сможет преодолеть трудные моменты своего развития.

Кроме того, оптимизм часто обосновывают тем, что переход от индустриального общества к постиндустриальному означает изменение качества жизни общества, ибо если индустриальное общество основывается на массовом производстве и массовом потреблении, вызывающем стандартизацию жизни, то в постиндустриальном обществе, строящемся как информационное общество, информация сама (!) обуславливает новые перспективы развития и

---

¹ Литвиненко В.А. Социотехнологические комплексы: Новый вид цивилизационного взаимодействия // Общественные науки и современность. – М., 2000. – № 4. – С. 149.

² Франк С. Свет во тьме. – М.: Факториал, 1998. – С. 227.

социального изменения. Процессы омассовления тем самым как бы автоматически прекращаются, и начинается расцвет личностного самопостроения человека. Однако, во-первых, сформированный массовый человек при этом никуда не девается, продолжая своей психологией определять господствующие настроения в обществе. А во-вторых, положение усложняется тем, что новые информационные технологии и информационные модели управления как раз и налагаются на *массовое общество*, и это может стать основой главных проблем человека в будущем и усилить опасность социального перерождения общества в антигуманном направлении.

Во всех сферах социальной деятельности человек оказался отчужден от собственных интересов: политика подчинила его личность, экономика – его цели, техника – его время. В материально-техническом отношении человек создал такой мир, который приобрел независимость и стал развиваться по собственным законам, созданный им мир вещей стал сильнее своего создателя и начал диктовать ему свои правила. Человек утратил контроль над изменением этого мира, а потому в складывающемся товарном тоталитаризме трудно понять, кто кому действительно принадлежит: вещь человеку или наоборот.

Технизация создает тенденцию отодвигать «человеческое, слишком человеческое» вплоть до полного исключения его из целиком автоматизированной деятельности. Цивилизация, культивирующая частичность человека, оправдывая это специализацией, приобретает черты *постчеловеческой*. И эта проблема постчеловеческого качества цивилизации становится все более актуальной в условиях, когда наряду с естественным интеллектом человека начинает активно действовать искусственный интеллект машины. Сегодня даже само выживание человека зависит от того, как сможет он организовать свой диалог с созданной им второй природой, чтобы она не поглотила его собственное самоценное бытие. Организованный рядом с реальной действительностью виртуальный ее вариант, созданный совокупными усилиями СМИ, рекламы и других коммуникативных систем, ставит под вопрос и идентичность самого сознания человека. Человек уникальный и универсальный, в его сакральности и повседневности, в его парадигмальности и реальной наличности, оказывается распавшимся в своей целостности. И невозможность собрать его в гармоническом единстве всех проявлений, причем именно человеческих проявлений, ставит во-

прос о неполном соответствии современного варианта человека его родовой характеристике и перспективе.

Все отчетливее в связи с этим выступает несоответствие формируемого всем контекстом современного информационного общества характера человека тем задачам, которые стоят перед человечеством. Определенная деградация человеческого материала дает основания говорить о деантропологизации, о реальном снижении уровня восприятия и ощущения жизни человеком, несмотря на все видимое ее оживление. Или, может быть, речь идет скорее о наступлении той эпохи, о которой говорил Н.А. Бердяев в своей «Экзистенциальной диалектике божественного и человеческого», считая, что в посттеологическую и постнаучную «третью эпоху» духа будет найдена и раскрыта новая антропология?¹ Однако ни анализ конкретных характеристик современного человека, ни разрабатываемые социальные проекты глобализации, как они осуществляются в настоящее время, не дают оснований думать так. Очевидно, XXI веку не избежать ни решения жизненно важной проблемы *характера культуры будущего человечества*, ни проблемы самой глобализации, способ решения которой может определить лицо и характер всего XXI в. (и, скорее всего, не только). При этом характер возникших проблем показывает, что они не могут быть разрешены каким-то частичным способом. Но, как и во всей культуре, в данной области мы также наблюдаем кризис – духовно-идеологический, когда многие прежние ценности утратили свой незыблемый статус и подвергаются сомнению и отрицанию.

По сути, человеческие ценности и идеалы являются, как и известные религиозно-нравственные заповеди, своеобразными, имеющими разную силу и степень общности, кодозадающими устройствами, определяющими наше сознание и поведение. Деконструкция в культуре, с небывалым размахом развернувшаяся в XX в. и продолжающаяся в XXI, не может идти бесконечно, и со временем прежние системы ценностей будут заменены новыми. Вообще же без ценностей жизнь человека невозможна, ибо именно они составляют главную метамотивацию человеческой деятельности. В условиях усилившихся в современном мире иррационалистских тенденций необходимо восстановление рациональности, но в

¹ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – Париж: YMCA-PRESS, 1952. – 247 с.

формах, адекватных потребностям современного познания, формирования мировоззрения, развития науки.

Что касается философии, которая определяется как «любовь к мудрости», являясь несомненным, *двойным* удостоверением¹ человека в человеческом, то в ее судьбе в отечественной истории уже был прецедент, когда в 1850 г. царский министр народного просвещения, академик и писатель П.А. Ширинский-Шихматов упразднил преподавание в университетах философии в качестве самостоятельной науки как подозрительной. Он положил конец «обольстительным мудрствованиям философий», но уже в 60-е годы XIX в. философские кафедры в университетах России были восстановлены².

Идентичность современного человека

Как уже говорилось, в отличие от животного, ценности которого определены естественным образом, человек способен принять за ценность что угодно, и созданные человеком и порой не нужные ему предметы сами активно влияют на его образ жизни. Однако далеко не все созданное им прогрессивно. Часто это издержки и прихоти, т.е. мнимые потребности, искусственно сформированные соображениями престижа и т.п. игрушки, хлам, не нужные вещи, способные выступить в качестве потребности один раз – во время приобретения. Тратить жизнь на создание и обслуживание фиктивных потребностей бессмысленно: время, потраченное на это, вычитается из духовной жизни, лишая человека истинного движения.

В то же время истинные потребности, которые гарантировали бы богатство личности и действительную полноту жизни человека и общества – потребности познания, творчества, любви, красоты, истины, справедливости, – фактически не могут быть удовлетворены, и в лучшем случае их удовлетворение заменяется суррогатами, в изобилии фабрикуемыми в современном обществе. От

---

¹ И любовь, и мудрость, как мы знаем, суть качества, идентифицирующие именно человека.

² Философские кафедры были упразднены и в Чили после прихода к власти Пиночета в 1972 г. Чилийское образование до сих пор не справилось с последствиями этого ущерба, нанесенного тогда его будущему.

возможности реализации идеи и идеала всесторонне развитой личности человек по сути деградирует к индивиду *всесторонне потребляющему*: «Я потребляю – следовательно, существую»...

Но идентичность человека во все более ощутимых масштабах и формах начинает определяться уже не только в отношении остальной живой природы, но требует учета критериев отличия естественной жизни от искусственно порожденных форм, от *незжизни*, в частности, от искусственного интеллекта, искусственной личности, разнообразных разумных машин, автоматов, киборгов, гибридных образований разного рода и уровня и т.п. Иными словами, мы отчетливо видим расширение числа самих уровней и направлений идентификации человеком себя, но уже с целью отделения себя в своих новых характеристиках от того особенного, что составляет и его *специфику*, и совокупность особой *ответственности* и особых задач, которые он способен определить для себя *сам* и которые принадлежали ему традиционно.

Культура, которая в качестве «второй природы» есть не только некая внеположенная реальность, но составляет и определяет *внутреннюю реальность* самого человека, все более становится ареной разыгрывания неопределенностей и ненормативностей. Сбой опор когнитивного механизма приводит не только к фрагментированности сознания, дезорганизации мышления, но тем самым деформирует восприятие человека и изменяет адекватность его оценок. Человеку порою становится трудно понять, с кем и чем он сам реально себя идентифицирует. Возможно, скоро ему будет уже трудно определиться с самим собой: кто он – человек или машина, мужчина или женщина и т.д. Неутешительный вывод из наблюдений за современной действительностью делает А. Ашкеров: «Перверсивность и девиантность превращаются в характеристики, определяющие самое существо человека»¹. Действительно, мы явно отмечаем повышение общего интереса к пограничному, отклоненному, ненормальному.

В отличие от других обитателей Земли, человек умеет накапливать, а главное – наращивать свои достижения от поколения к поколению благодаря специальным социальным механизмам материально-духовного наследования, которые и выделили человека,

---

¹ Ашкеров А. Гражданин как сексуальное меньшинство // Сумерки глобализации. – М.: АСТ, 2004. – С. 317.

обеспечив ему его особое место в мире живого. Этим специальным механизмом, как мы помним, всегда становилась культура, построенная самим человеком. Если же этот механизм перестанет срабатывать, то преимущество человека исчезает, ведь когда уровень «оснащенности» новых поколений не растет и их возможности не увеличиваются, то, согласно законам инерции, наступают застой и деградация. Если культура перестает быть аккумулятором энергий и стимулятором развития, то происходит вырождение культуры как сложного механизма всестороннего наследования достижений и возможностей, позволяющего человеку совершенствоваться и тем самым воплощать идею человечества как рода, обитающего мир в соответствии с уровнем собственного развития.

Возникающая неоднозначность самоопределения (амбивалентность самоощущения) способна приводить к ложной идентификации, что иллюстрирует переживаемый человеком кризис идентичности, когда человек теряется в противоречивости проявлений современной культурной модели, пытаясь соединить противоположные образцы, тенденции, устремления. В частности, он может одновременно испытывать и чувство определенного пре-восходства, и переживать комплекс неполноценности, ибо стоит между традицией прошлого с ее общим гуманистическим содержанием и пафосом, и в то же время со страхом заглядывает в будущее, где его могут ожидать разного рода сюрпризы – в виде сверхумных машин, в сравнении с которыми он может оказаться «нерентабельной моделью», постепенно вытесняемой из бытия.

Претерпевает ли в связи с изменением характера рациональности человека изменения сама человеческая *природа*? Или только ее понимание? Прекратилась ли или может быть продолжена «человеком разумным» собственная, уже *направленная* эволюция? Если он не сможет восстановить рациональность или сформировать ее новую, более адекватную времени, более открытую форму, то может оказаться зависимым объектом неизбежности выстраивания последовательной линии не столько эволюции, сколько инволюции: *разумность – постразумность – постсоциальность – постчеловек*.

Так, например, кто допустил, позволил в XXI в. возродить фактически рабовладение? Может быть, постчеловек, ведь человек, познавший ценность свободы и воспевший ее в своем искусстве, однако допустивший возрождение рабства и рабовладения, может ли он сохранить свою человеческую идентичность? Как тут не

вспомнить историю Эзопа, известного автора басен и парадоксов. Будучи захвачен в плен и став рабом в Дельфах, этот талантливый человек был несправедливо обвинен в проступке, которого не совершил, и должен был понести наказание. Вспомним, что рабов и свободных в древние времена казнили по-разному: свободных сбрасывали в пропасть, а за раба нес ответственность его хозяин, который мог откупить его... Эзоп предпочел умереть, как свободный человек, чем продолжать жить рабом. Перед смертью он спросил: «Где тут у вас пропасть для свободных людей?» Истинный Человек утверждает свою свободу и свободу духа иногда дорогой ценой, сохраняя человеческую идентичность в той сфере «третьего», которое, как сказал поэт, «выше жизни и смерти...».

Нынешний распад идеи человека, девальвация его образа, порча его самого, становящегося все более манипулируемым объектом, забывшим о человеческих ценностях и необходимости всерьез отстаивать их, заставляют вспомнить Диогена, днем с фонарем искавшего **человека**. В самом деле, человек современного *посткультурия* настолько утратил человеческий облик, что стали появляться странные precedents, о которых прежде мы и не слышали. Так, в книге «Культура времен Апокалипсиса» содержится рассказ о получившем известность во французской и японской прессе случае, когда учившийся во Франции японский студент Сагава убил свою французскую подружку и съел ее. Позднее он подробно описал этот случай, а затем написал и сценарий, по которому был поставлен фильм. В конце концов публика привыкла и стала считать подобный случай приемлемым, а каннибала – рассматривать «как человеческое существо, которому довелось пережить очень специфический опыт»¹. Подобная же ситуация легла в основу романа Ивлина Во «Черная беда», где мужчина съедает свою подружку на пищу каннибалов. Данный precedent нашел даже нечто вроде научного объяснения, подобного тому, что вкус к человеческому мясу заложен в наших ДНК и может неожиданно активизироваться, чем, в частности, Н. Кло² пытается объяснить и возрождение рабовладельческого сознания...

¹ См.: Культура времен Апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – С. 168–169.

² Кло Н. Манифест вампира // Культура времен Апокалипсиса. Цит. соч. – С. 570–575.

А может быть, и действительно, человеческая сущность, человеческая исключительность – досужие выдумки? Человека в его особости и идентичности нет. И тогда, действительно, почему бы и не съесть его, ведь едим же мы¹ лещей и куропаток... Что же касается религиозного запрета, то ныне религиозность часто предстает как всего лишь условно-обрядовая мода, ибо человеку становится всерьез и на деле трудно вынести осознание особого измерения духовности, что требует от него работы духа. О духовности, как и о любви к свободе современный человек реально забыл... Скоро он, возможно спросит: а что это?

Реально мы видим человека стоящим на распутье: вооруженный амбивалентной технической мощью, он может стать *сверхчеловеком*. А может оказаться и *супербестией* – вспомним достаточно разные на этот счет идеи Ницше и Мережковского... А может быть, это станет наполовину искусственный *трансчеловек*... Или он останется массовым человеком, скатывающимся к бытию в форме *биомассы*, – вспомним «последнего человека» Ницше: этот последний на Земле маленький человек довольно говорит: «Счастье найдено нами». И моргает...² При этом иногда трудно отличить трансчеловека от *постчеловека*... Но в любом случае, это уже *не-человек*...

Самое трудное для человека, стоящего, как древний рыцарь, на распутье, *остаться* самим собой, человеком в перспективе... Сохранить свою идентичность, обогатив, а не извратив ее. Человеческая способность к самоидентификации подобна наличию своего рода *иммунитета* на психокультурном уровне. Человек способен распознавать «свое», свойственное ему как родовому существу (на всех уровнях его существования и понимания), и отвергать то, что угрожает его идентичности размытием самих основ его существования как такового. У человека есть эта потребность быть связанным с человечеством, ощущать себя его частью и сохранять свои характеристики, оберегая их от размытия в некоей бескачественной энтропии. Но он начинает утрачивать этот свой главный человеческий иммунитет.

---

¹ Не означает ли это, по сути, признание возможности людоедства среди людей?...

² См.: *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 11.

Однако определение идентичности человека по-прежнему важно, поскольку именно человек (во всяком случае, пока) остается субъектом и предметом всех теорий и философий, всех культурологических концепций, искусства и т.д. И хотя *творчество*, как говорилось, есть идентификационная деятельность для человека, однако человек в его целостности, как предмет, уходит из рассмотрения: предметом теоретических исследований чаще становятся все более мелкие, отдельные аспекты и явления, частичные исследования локальных проявлений...

Создание человеческого культурного пространства, которым постепенно становится весь мир и которое населяется все более значительными и совершенными творениями, представлениями и образами, есть человеческое дело. И отказавшись от него, человек искашает саму идею человека, в конечном счете утрачивая и саму эту идею, и тем самым и смысл собственного своего существования, свой творческий статус, наконец, *свое место в мире*. Хотелось бы думать, что XXI век станет не только временем великих переломов, но и временем самоопределения для человека, народа, человечества. Для этого необходимо прежде всего изменение самого человека, который сейчас возводит основы цивилизации, призванной помочь ему жить лучше, в то время как ему пора и необходимо *самому становиться* лучше. Это очень простое, но и самое трудно выполнимое требование. Восстановление *идеи человека* в полноте ее смысла и функций есть и основа человеческой культуры, и ее задача в XXI в., содержанием которого должна стать борьба за живой разум человека против его растворения в мертвых механизмах, за человечество против его рассеивания, самоизживания в энтропии ненорм и извращений. Общая задача культуры – формирование человека, который осознанно поведет мир не к хаосу, деградации и распаду, а к установлению более совершенного, более гармоничного порядка, способного обнаружить и реализовать все еще не раскрытие способности человека, от которых зависит и будущее самого мира.

Ныне Человек – это звучит проблематично... Все более проблематично.